

История вторая

Вишневое варенье с капелькой дождя

МЫС

5. Рубина

Мозаика на стене детского отделения была незатейливой — мама вела маленькую дочку в школу. На девочке школьная форма и огромные белые банты. У мамы желтый плащ и кошмарные красные сапоги. Кто-то из детей умудрился отколоть маленький камушек, как раз в том месте, где у мамы были губы. Теперь, отныне и навеки, мамина улыбка превратилась в злобный оскал.

Яна любила рассматривать это мозаичное изображение. Она садилась на подоконник и разглядывала желтый мамин плащ, невероятные сапоги и «загадочную улыбку». При этом мысли ее были далеко за пределами детского дома, в том неопределенном будущем, которое для Яны было давно определено как совершенно невозможное. Будущее имело вид маленькой однокомнатной квартиры, в которой она жила со своей дочкой. Девочкой, которая походила на ту — в маленьком мозаичном мире. А квартира напоминала квартиру Анастасии Сергеевны — старшей воспитательницы. Яне однажды посчастливилось быть у нее в гостях.

Двухэтажный детский дом ничем не отличался от множества таких же детских домов, с прохладными коридорами, лестничными пролетами, общими туалетами, пахнущими хлоркой, и добрыми нянечками, спящими повсюду со своими швабрами. На первом этаже были устроены классы, столовая, и актовый зал. Второй поделен на два отделения — для младших и старших. Здесь было уютнее, и даже коридоры казались теплее.

Рядом со здоровыми детьми жили и больные, и разницы для них не существовало. Если кто-нибудь заходил в истерике, бился об пол, его просто старались успокоить, потом чем-нибудь отвлечь. У детей были свои, выработанные ими методы, и они редко звали взрослых на помощь. Такая жизнь казалась им нормальной, и ничего необычного они в этом не видели. Все новички быстро к этому привыкали. Так что жизнь в детском доме была вполне сложившейся и спокойной.

В старшем отделении, среди девочек, существовала негласная игра. Каждая выбирала себе малыша из младшей группы и старалась за ним ухаживать, словно за своим ребенком. Маленькие детишки с радостью принимали участие в такой игре,

порою даже происходили мелкие ссоры из-за дележа «мам».

Ее привезли поздно ночью, и только утром в столовой Яна увидела как воспитательница из младшей группы привела за руку маленькую девочку. Усадила за стол. Девочка была очень напряжена и, в отличие от остальных детей, не принималась за завтрак. Сложив худенькие ручки на коленях, она уставилась пустыми, карими глазами в тарелку с рисовой кашей. Пришлось воспитательнице накормить ее самой.

На летние каникулы детей отправляли партиями, по очереди, в лагеря и санатории. Яна обычно ездила в санаторий во второй половине лета. Сейчас был июнь, так что приходилось скучать без друзей, которых уже увезли.

Как-то раз Яна, слоняясь по пустынному коридору, услышала разговор Анастасии Сергеевны и медсестры.

— Девочка с явно выраженной дистрофией,— тихо говорила медсестра Вера Ивановна.— Я считаю, ни о какой школе не может быть и речи.

— Мы могли бы ее определить в спецгруппу,— настаивала Анастасия Сергеевна.

— Не знаю, стоит ли. Такие дети, обычно, с каждым годом деградируют все больше. Доживают лет до восемнадцати, а бывает и раньше... А девочке уже десять лет, а выглядит пятилетним ребенком.

От услышанных слов тело Яны покрылось мурашками. «Неужели ей десять лет! Она же совсем еще как ребенок!»

Дождь лил уже четвертый день, наполняя сумерками и скукой пустые коридоры. Читать Яне не хотелось, рисовать тоже, да и лучшая подруга Юля, с которой Яна любила вместе рисовать, была отправлена в санаторий. Сколько девочки ни просили директора, чтобы он посылал их вместе, ничего из этого не вышло. Вообще, июнь Яне не нравился. Она читала в своей комнате или слонялась по коридорам, и однажды заметила, что у ее любимого окна кто-то стоит. Явно кто-то из малышей. Погода была пасмурной, и поэтому Яна не сразу разглядела. Это была та самая девочка. Маленькая, стриженная под «ежик» головка и огромные темные глаза. Только глаза эти смотрели в никуда. И в тоже время в них затаилась печаль. Печаль такая робкая, пуганная, затерянная внутри маленького, шупленького тельца.

Санька села на подоконник рядом с девочкой и улыбнулась.

— Тебе нравится эта мозаика? — показала она на стену.

Девочка не ответила. Она даже не посмотрела в ее сторону. Она вздохнула и пошла по коридору прочь от Яны.

Дождь все еще лил, а Яна все сидела на подоконнике, разглядывая мозаику.

«Как там Юлька? Ей, небось, весело сейчас. Хотя, я точно знаю, она скучает по мне. Я ей еще одно письмо напишу. Вот она удивится, когда сразу два письма придут».

— Ну, что, Яночка, скучаешь?

Нянечка, тетя Нина, протирала пол в коридоре.

— Угу.

— Да ты, доченька, не скучай, скоро месяц кончится, в лагерь поедешь. Небось, жениха найдешь! — отирая пот со лба и подмигивая, произнесла тетя Нина.

— Вот еще! — резко сказала Яна.— ...Тетьнин, а вы знаете, как ту новенькую, маленькую девочку зовут?

— А, так это цыганочка у нас, Рубина. Красивенькая такая, глазки то какие. Как камни драгоценные! А вот здоровья-то Бог не дал.

— А что с ней?

— Кто ее знает? Я не доктор, но скажу так — или мать ейная совсем дуреха, или я даже не знаю что...

— Как это — «дуреха»?

— Ну, родила ребятенка, таскала в подоле, вроде кормила, а вот только любить забыла. А она то, Рубина, без любви и заболела. Это я вот так считаю. А по научен-

ному, это ты у Веры Ивановны спроси. Тут я тебе ничего не скажу.

Однажды, встретив маленькую девочку в коридоре, Яна взяла ее за руку и пристально посмотрела в глаза,— Рубина, теперь я буду твоей мамой. Поняла? Мы будем вместе, я гулять с тобой буду, книжки читать... И кормить тоже буду.

Рубина ходила за Яной словно хвостик. Куда бы та ни пошла, всюду за ней следовала малышка. Яна брала девочку за руку и ощущала прохладную немощь маленькой, хрупкой ладошки. И в то же время немощь ее была внутренне цепкой, неприкрыто доверчивой. Яна ловила себя на мысли, что пугается этой доверчивости.

Дожди кончились, засветило солнце, и теперь девочки выходили во двор. В библиотеке Яна набрала множество разных сказок с красочными картинками. Она усаживала свою «дочку» в беседке и до самого обеда читала ей сказки.

Однажды Яна, читая очередную сказку, взглянула на сидящую рядом Рубину и удивилась. Взгляд девочки как будто бы ожил, хотя казался отсутствующим. Яна готова была поклясться чем угодно, что мысли девочки были в той сказочной стране, о которой она слушала. Игрушечная мама обняла свою игрушечную дочку и поцеловала в носик. Рубина разжала нервно сцепленные пальчики и положила ладошки на руки Яны.

— Яна, зайди ко мне в кабинет, я должна с тобой поговорить.

Вера Ивановна положила руку на плечо Яны и повела в медпункт.

— Ты уже взрослая девочка, поэтому позволь мне говорить с тобой откровенно.

Медсестра усадила ее на стул, а сама села напротив за письменный стол.

— Я давно наблюдаю за вашими играми в дочки-матери. Поначалу все это казалось забавным, и даже помогало воспитателям. Вы молодцы, ухаживаете за малышами, одеваете их, гуляете вместе. Все это очень хорошо. Но скажи мне, зачем вы просите, чтобы они звали вас мамами?

Яна не знала, что ответить. Она никогда не задумывалась над этим.

— Просто это такая игра,— ответила она тихо.

— Девочка моя, с этим играть нельзя. Ты должна понять это раз и навсегда. Я не собираюсь тебе читать лекцию, но ты должна обещать мне. ...Обещаешь?

Яна, опустив голову, упрямо молчала.

На следующий день Яна захватила с собой альбом и разноцветные фломастеры. Выйдя из здания детского дома во двор, она обнаружила Рубину на лавочке у мозаики. Та ждала ее, нервно сжав крошечные кулачки. Яна подошла к девочке, и та, неожиданно протянув ручку, доверчиво взяла ее за руку. Прохладная ладошка крепко сжала руку двенадцатилетней девочки.

Яна шла со своей «дочкой» по зеленой аллее. Гравий дорожки шуршал под босоножками. Рядом с ней шагали маленькие детские ножки. И вдруг Яне стало страшно. Мозаичная картина на стене детского отделения ярко и неожиданно возникла в ее памяти.

«Словно я настоящая мама, веду дочку в школу».

«Ты уже взрослая девочка. С этим нельзя играть».

Последняя неделя перед отъездом в лагерь тянулась ужасно долго. Яна не выходила из спальни. Она много рисовала и читала. Вернее, делала вид для взрослых. К ней не приставали с расспросами. На самом деле Яна просто боялась встречаться с Рубиной. Она боялась ее последнего взгляда, боялась ее доверчивой ладошки, сжатой в ее руке. Задавать себе вопрос «зачем?» она тоже боялась.

«Пусть только эта неделя пройдет, а там и в лагерь». Успокаивала она себя.

Июль пролетел незаметно. Лагерь, костры у реки, интересные поездки... Все это позади. И вот снова перед ней знакомые зеленые стены и поколупленная мозаика на стене. Наконец-то август, и теперь они снова вместе с Юлькой.

Встреча их была бурной, радостной и веселой. Рассказы не прекращались до поздней ночи. Девочки сдвинули свои кровати изголовьями, и рассказывали друг другу о летних приключениях. Яна позабыла маленькую Рубину. Она просто выбросила из головы воспоминания о нелюбимом ионе.

Однажды к Юльке приехала бабушка и забрала ее к себе на выходные. И снова начались холодные дожди. Отвратительная погода и одиночество злили Яну. Ноги сами привели ее в детское отделение. Было время тихого часа, широкий коридор пуст за исключением подоконника. Рубина, по-прежнему маленькая и хрупкая, с коротко стриженной головкой, стояла у окна и смотрела на мозаику. Вдруг она заметила стоящую в глубине коридора Яну.

— Мама, ты пришла!

Звонкий голосок пронзительно зазвучал в тишине. Девочка отбежала от окна и бросилась к Яне. Добежав до нее, Рубина крепко обняла свою «мамочку». Яна молча положила свои ладони на голову девочки, а взгляд ее был устремлен на мозаичное чудовище в желтом плаще и красных сапогах.

6. Снова вместе

— Ну, вы и сони! Девочки, рыба уже почти готова. Сейчас буду варить кофе.

Диана подняла полог над катамараном и оглянулась на полусонную Яну.

— Янка, наши уже рыбу жарят. Чуешь запах?

— А говорили, что со мной будут ловить!..

— Мы ловим с самого утра,— помахал им от костра рукой Михаил.— Вы так крепко спали, что не стал вас будить. Намаялись. Ничего, зато все готово.

— Мы сейчас, только умоемся и себя в порядок приведем. Вставай, Янка!

Пропали ночные тени, исчезли ночные страхи. Утреннее солнце озаряет все вокруг. Ветви ели, склоненной над водой, слегка покачиваются на легком ветерке и едва касаются зеркальной поверхности реки. Тишина, покой и стрекот кузнечиков в разогретой солнцем траве. В голубом небе, над их головами, замерли размытые ветром перья белых облаков.

— Так, попробуйте рыбку! Всем угощайтесь, что видите. Денис, вот кофейник, организуй водичку, сейчас кофе сварим,— сказал Михаил, подбрасывая сучья в огонь.— Сегодня участок будет посложнее. Будут пороги, примерно такие, Диана, как ты уже видела. Просто их будет больше. Как и вчера, проходим между камнями. В одном месте надо быть особо внимательными. Яна, ты у нас будешь с картой. Мы сейчас здесь, смотри за поворотами реки. Вот, за этим поворотом, до него часа два, будет метровый водяной скат. Как мне говорили, на скорости через него перескакивают. Некоторые, конечно, и обходят. А что мы будем делать? — спросила Диана.

— У меня предложение — обойти,— тихо произнесла Яна.— Если, конечно, вы не против.

— А мы не будем спешить,— успокоил ее Михаил.— Подойдем к берегу, посмотрим, что за скат... Обходить — это значит катамаран разбирать. Увидим, короче.

— А что за скат? — поинтересовалась Диана.

— Что-то вроде плотины небольшой. Перепад в уровнях воды. Самое главное там скорость набрать, чтобы подальше приземлиться. Там, понимаешь, обратное течение образуется, под скат затягивает. Так что после перескока грести тоже надо изо всех сил. Но ничего. Я посмотрю и там решим. Если что, Яна, мы тебя посадим, а потом заберем. Можно и так. В крайнем случае, перенесем катамаран. С вами, конечно, не буду рисковать.

— Все будет хорошо, Янка! — повернулась к ней Диана.— Попробуй рыбу.

Вкусная!..

— Сейчас и кофе закипит,— Михаил укрепил кофейник над огнем.— Яна, что— то рыбка не очень... Костлявая?

— Есть немного.

— Тогда сыр, ветчину бери... А вот и кофе.

Со стороны реки послышались голоса. Два катамарана показались из под ветвей ели и неспешно проплыли мимо.

— Все нормально? — донеслось с катамаранов.— Помощь не нужна?

— Все хорошо! — крикнул им Михаил.

— Вы не налетели там на те сучья на повороте?

— Налетели. Три дырки заклеивал.

— Вот, и мы тоже.

На катамаранах заработали веслами, и они скрылись из виду.

— Слава Богу,— сказал Михаил.— Не одни мы такие. Сегодня зевать нельзя. Но зато будет что вспомнить!.. А, Яна?.. Ты становишься настоящим путешественником!

— Да чего я там!.. Лежу себе, как рюкзак, сзади.

— Сегодня ты нас по карте ведешь. У тебя роль ответственная.

— Да мы там запросто перескочим,— уверил Денис.— Что мы, хуже других?..

Пороги начались постепенно. Сначала гладкая поверхность реки лишь кое-где вспенивалась на выступающих из воды камнях, и они просто обходили эти места. Но через полчаса все вокруг них словно закипело. Шум плеска воды перекрывал все другие звуки. Катамаран огибал выступающие камни, проходил между ними. Иногда было слышно, как резина гондол шипит на гладких камнях, под набиравшим скоростью катамараном.

— Яна, не хочешь тоже погрести? — крикнул ей Михаил.— Весло очень легкое, только не урони его за борт.

Яна посмотрела на желтое, пластиковое весло, лежавшее рядом с ней, но только еще крепче ухватилась за поручни. «Не буду и пробовать,— подумала она.— Не хватало, еще весло потерять».

Диана сопровождала визгом особо крутые виражи и все оглядывалась на Яну, словно желая убедиться, что та на месте.

— Яна, какой уже поворот? — кричит ей Михаил.

— Кажется, третий...

— Как, «кажется»... Их же четыре было. А, Денис?..

— Сейчас пятый будет.

— Давайте-ка к берегу. Разберемся сейчас.

— А на берегу опять эти острые ветки. Сплошной лесоповал,— отвечает Диана.

— Сразу за поворотом ищем место, где пристать,— командует Михаил.— Где-то здесь должен быть тот водный скат.

Набравший скорость катамаран чуть заносит на повороте реки, и все видят на ставшей снова ровной поверхности воды преграждающую им путь пенную линию речного перепада, растянувшуюся от одного берега до другого.

— Все нормально,— кричит Михаил,— набираем скорость. Денис, Диана, изо всех сил!.. Надо перелететь, как можно дальше! Яна, держись!..

Диана мельком оглянулась на Яну и вместе с Денисом начала яростно грести. Она ясно почувствовала, что это — кульминация всего их пути, и теперь надо отдать все свои силы. Катамаран набрал огромную скорость. Он шел прямо по середине реки, пенная преграда была все ближе. За ней уровень реки был гораздо ниже. Диане стало не по себе, когда она увидела смещение уровней. Ей показалось, что там больше метра будет. А как же там Янка? Но не было никакой возможности оглянуть-

ся. Диана смогла крикнуть:

— Янка, держись!

И, увидев линию перепада воды прямо перед катамараном, она сделала взмах веслом и вложила в него все свои силы.

Река словно выстрелила катамараном на перекате воды. Он пролетел в воздухе несколько метров и с громким хлопком плашмя упал в воду. Она бушевала вокруг них, а сзади, с грохотом, падала стена воды. Среди плеска, пены и брызг катамаран стоял на месте!.. Михаил, Денис и Диана отчаянно гребли, но им казалось, что они движутся назад, к водовороту, под стеной падающей воды.

Яна никогда еще не испытывала такого страха. Это был даже не страх, а паническое осознание, что надвигается что-то ужасное. Она оглянулась и увидела камень речного перепада совсем рядом. Снова посмотрела вперед. Диана, Денис, Михаил — все яростно работают веслами. Не понимая, что она делает, Яна, машинально, встала на колени, схватила пластиковое весло и, упершись им в камень ската, навалилась на него грудью.

— Идем!..— закричала Диана.

И катамаран, словно оборвались путы, державшие его на месте, резко устремился вперед, все больше и больше набирая скорость, а Яна, потеряв равновесие, упала на дно катамарана, больно ударившись лбом о какую-то планку.

Дианка и Денис стукнули в воздухе ладонями.

— Яна,— радостно кричал Михаил,— ты сегодня герой! Ребята, если бы не она... А весло, кажется, унесло? Ну и... ладно... Зато мы сделали это! Девчонки, вы прошли самый сложный участок. Если бы вы знали, сколько людей здесь пасуют и переносят катамараны!

Яна без сил лежала позади катамарана на рюкзаках и потирала лоб. Лицо ее было обращено к небу. Она ни о чем не могла думать, а только смотрела на облака, на птиц в небе и чувствовала на лице тепло солнечного света.

...Через час пути снова пристали к берегу. Михаил взял Яну на руки и поднялся с ней по травянистому откосу, на вершине которого пролегалo шоссе. Машин не было видно. За дорогой простиралось огромное поле, а на горизонте тянулась полоска далекого леса.

Здесь, на шоссе, высоко над рекой, видя лежащий далеко внизу на песке катамаран, они распрощались с Михаилом и Денисом. Денис сразу побежал вниз к воде, а Михаил чуть задержался.

— Ты в порядке? — наклонился он к сидящей на траве Яне и осторожно пригладил края пластыря на ее лбу.

— Все хорошо... Только вот весло потеряла.

— Забудь. Это ерунда. Сегодня твой вклад был решающим. Не могу даже представить, что было бы, если бы не ты.

Он обнял Яну и, поднявшись, протянул руку Диане.

— Буду следить за твоими книгами,— сказал он.— А как тебя звать полностью? Ну, чтобы книжку найти.

— Диана Асарова.

— Запомню. Ну, всего вам, девочки!.. Вы уверены, что мы в правильном месте остановились?

— Да, вон мельница, про которую Ник говорил.

— Тогда удачи!

Михаил стал быстро спускаться по травяному откосу к реке. Диана с Яной помачали им рукой, когда катамаран отошел от берега и, подхваченный течением, скрылся за деревьями.

— Все, Янка! — опустила на траву Диана.— Сейчас хочется просто лежать и не шевелиться. Даже язык у меня не шевелится... И даже... мыслей никаких нет...

— Дианка, совсем мы варенье с тобой забросили!

— Ничего, может оно у нас того, настаивается. Глядишь, новый рецепт открыли. Знаешь, как в старинных рецептах писали. Повари вишню в сахаре пять минут, а потом три дня не подходи. Пусть настаивается в собственном соку. Оттого ягоды крепче станут, и прозрачнее. И будет тебе на зиму радость летняя...

— Я уже мечтаю попробовать. Так вкусно ты придумала. Давай ребятам звонить! — предложила Яна.

— Да. Надо звонить.

Диана достала из сумочки телефон и набрала номер.

— Ник! — сказала она бессильным голосом.— Скорее подбирайте нас. Мы тут валяемся на краю дороги. Лежим бездыханные. Потом все расскажем. Вы не поверите, какие у нас были приключения!.. Да, мы тут, где мельница. Чуть не доезжая до нее. Мы видим мельницу отсюда. Отлично!.. Ждем!

Диана отбила звонок, обернулась к Яне, чтобы что-то сказать, и замолчала. Яна сама поднялась с земли и стояла перед ней, заслоняя собой солнце.

— Дианка,— прошептала Яна едва слышно,— я как-то по-другому себя чувствую. Я сама сейчас встала.

— Хорошо... Пройди немного.

Яна сделала несколько шагов и, от шага к шагу, ее движения становились все более уверенными. Она оглянулась на Диану.

— Мне кажется, я увереннее могу идти.

Диана ничего не ответила. Она внимательно смотрела на Яну, на то, как та шаг за шагом отходит от нее по дороге.

— Они приедут оттуда,— показала Диана.— Хочешь, пойди им на встречу. Они уже близко.

— Я пойду,— сказала Яна и улыбнулась Диане.— Вот будет Женьке сюрприз!..

— Да. Только иди по краю. Будь осторожна. Тут все же ходят машины.

Яна шла по дороге. Как давно она не чувствовала свое тело таким сильным! Неужели эта встряска так подействовала на нее? Боже, какое чудо! Я иду сама! — шептала Яна.

Она смотрела на свою тень на дороге, на раскаленный от жары асфальт. Он казался мягким. Она шла и шла вперед. Мимо проносились редкие машины и, когда стихал шум моторов, до нее доносилось пение какой-то птицы в поле. Иногда птица поднималась над землей и, сделав несколько кругов, снова садилась среди колосьев.

Яна оглянулась назад, но не увидела Диану. Та была скрыта кустами на краю дороги.

И тут Яна услышала шум машины. Она знала этот звук, и улыбнулась, услышав его. Закрывает глаза и подумала, что, если, досчитав до десяти, открыв глаза, она увидит их, то все в жизни будет хорошо. С закрытыми глазами Яна стояла на краю дороги и считала про себя, слыша пение птицы, свое дыхание и скрип щебенки под ногами... И когда на счет десяти открыла глаза, увидела, что все в жизни будет хорошо. И все они будут счастливы.